

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Фатима Анатольевна Озова

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, Черкесск, Россия,
fo7799@gmail.com

Аннотация. В период Кавказской войны (1763–1864) сложился существующий и поныне стереотип: аманат – это заложник. На самом деле этот историзм был полисемантическим. Исторический термин «аманат» был заимствован в русский язык в начале XVII в. в значении «дипломатический заложник». В данной статье дан анализ, выявляющий его связь с обычным правом (обычай аманатства) и с политической культурой (институт дипломатического заложничества / аманатство) многих народов мира.

Ключевые слова: институт аманатства, обычай аманатства, посольский обычай, политическая культура, Средневековье, раннее Новое время, трансформации

Для цитирования: Озова Ф. А. Институт аманатства в политической культуре посольского периода // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 35–40. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-35-40>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

INSTITUTE OF AMANATISM IN THE POLITICAL CULTURE OF THE AMBASSADORIAL PERIOD

Fatima A. Ozova

Karachay-Cherkess Institute humanitarian research, Cherkessk, Russia, fo7799@gmail.com

Abstract. During the Caucasian War (1763–1864), a stereotype that still exists today was formed: amanat is a hostage. In fact, this historicism was polysemantic. The historical term "amanat" was borrowed into Russian at the beginning of the 17th century. meaning "diplomatic hostage". This article provides an analysis that reveals its connection with customary law (the custom of amanatism) and with the political culture (the institution of diplomatic hostage-taking / amanatism) of many peoples of the world.

Keywords: Institute of amanatism, custom of amanatism, embassy custom, political culture, Middle Ages, early modern times, transformations

For citation: Ozova F. A. Institute of amanatism in the political culture of the ambassadorial period. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):35–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-35-40>

Изучение истории аманатства убеждает в необходимости тщательного исследования экстралингвистических причин заимствования исторических терминов и процесса их лексико-семантической адаптации в тех языках, куда они были заимствованы [1, с. 19–31].

Институт *amān* исламской политической культуры функционировал на основе древнего семитского обычая *djīwār* [2, с. 429], имевшего глубокое гуманитарное наполнение. Благодаря ему любой чужеродец мог получить защиту жизни и имущества от человека или общества, к которым он обратился с этой просьбой, до тех пор пока он или примирится со своей родной общиной, или легитимируется в новой.

Обычай аналогичный древнему обычаю *djīwār* существовал у многих народов мира, в том числе и на Кавказе. Его бытование исследовано наиболее полно на сегодняшний день только на этнографическом материале горных районов Восточной Грузии. Так, здесь существовали обычаи: 1) принятия в общину чужеродца-беглеца; 2) содержания заложников; 3) передачи какой-либо вещи на хранение; 4) покровительства общины находившимся в ней гостям, детям-сиротам, мужьям-примакам. Все они имели исконные наименования в грузинском языке, но при этом они все обозначались еще и арабизмом *аманат* [3, с. 21, 29]. Таким образом в грузинском традиционном обществе под *аманатством* понимался «разветвленный комплекс специфических обычаев и норм» [4, с. 162], каждому из которых соответствовала исконная грузинская лексема.

В отличие от грузин черкесы¹ многие из перечисленных институтов (принятие в общину чужеродца-беглеца и покровительство общины находившимся в ней гостям, детям-сиротам, мужьям-примакам) продолжали именовать исключительно исконными лексемами. С. Адыль-Гирей отмечал, что большинство преступлений в Черкесии наказывались огромными штрафами. В силу их размера выплачивались они обычно всем обществом. В случае, если тот или иной член общины многократно ввергал ее в необходимость оплаты баснословных штрафов, община могла отказаться от их уплаты. В таком случае суд выносил решение о лишении такого преступника покровительства закона путем исключения из общины. Остракизм мог быть бессрочным или временным. Изгнанный из общества уже не пользовался правом защиты, его убийство не наказывалось. Но наряду с этим жестоким обычаем существовал и другой, по которому всякий изгнанный из одного общества может просить покровительства в другом. «Объявляя желание присоединиться к обществу, он дает клятву повиноваться его постановлениям и вслед за сим делается членом принявшего его семейства, называясь *обом*, то есть покровительствуемым» [5, с. 299].

Институт *atān* (защиты) оказал влияние на русский посольский обычай. Он, очевидно, был заимствован из османской дипломатической практики, где обеспечивал легитимацию военно-политических договоров Османской империи с европейскими странами [6, с. 20]. В русской политической культуре он также должен был легитимировать договоры российских монархов с правителями малых политий южнее и восточнее Московии. Заимствование института *atān* в русскую политическую культуру вместе со словом было отмечено не только сужением его семантики, но и ее (семантики) трансформацией. Оно стало обозначать дипломатического заложника – аманата, который должен был гарантировать выполнение такого договора. Именно поэтому семантика русского ориентализма *аманат* была далека от значения арабского этимона: в арабском языке аманат – это человек, которому гарантировалась защита в чужой стране, *atān* – защитная грамота; в русском – дипломатический заложник, гарантировавший своим присутствием в чужой стране выполнение договора. Таким образом, *аманат*, обозначая человека – гаранта договора, должен был легитимировать своим присутствием при московском дворе договор с сувереном, которого он представлял [1, с. 26].

В. И. Даль указывал, что одно из значений лексемы *аманат* было идентично устаревшему смыслу этих исконных русских слов *таль*, *зalog*, *заклад* – поручительство при заключении договоров [7, с. 585]. Таким образом, аманатство было генетически связано с дипломатическим заложничеством, широко практиковавшемся в отношениях как между европейскими, так и восточными странами на протяжении многих веков. Упоминание о дипломатических заложниках – *талях* – в памятниках русского права эпохи Русской правды [8] свидетельствует, что дипломатическое заложничество довольно широко использовалось не только в договорах между русскими князьями, но и в международных отношениях, например в связях с половцами и немцами [9, с. 15].

¹ Черкесы до 1864 г. представляли собой самый многочисленный кавказский этнос.

Сохранились сведения о функционировании этого института в дипломатической практике средневековых империй: Арабского халифата, Византийской империи, Золотой Орды. В случае со средневековыми империями, в отличие, скажем, от межкняжеской дипломатии, когда дипломатическое заложничество носило взаимный (двусторонний) характер, оно было неэквивалентным (односторонним). Так, арабские халифы развивали его в отношении кочевого населения: содержали при своем дворе в качестве гарантов договоренностей представителей находившихся в вассалитете знатных бедуинских родов [10, с. 80]. Союзники византийских императоров (басилевсов) были обязаны присылать в Константинополь своих сыновей на «воспитание», чтобы крепче привязать их к себе: при императорском дворе они воспитывались «в духе преданности интересам империи; одновременно они служили заложниками на случай измены отцов» [11, с. 105]. В период монгольского владычества на Руси дипломатические заложники удельных князей находились в Золотой Орде, начиная с князя Владимирского Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Невского. «Даже Дмитрий Донской вынужден был согласиться оставить в Орде в качестве заложника собственного сына» [11, с. 142].

В XVII–XIX вв. лексемы *анемат* / *анэмэт* / *Іэнэмэт* и *аманһт* [12, с. 133] имели в черкесском языке взаимоисключающее значение: первая семантически соответствовала в значительной степени арабскому этимону, вторая фонетически и семантически – русскому ориентализму *аманат*. Функционирование всех перечисленных институтов было связано как с посольским обычаем, так и с обычаями гостеприимства и соприсяжного братства. В источниках сохранился пример действия института защиты *атāп* в черкесском посольском обычае в конце XVII в. Э. Челеби (1666 г.), встречавшийся с дипломатическим заложником / аманатом из Кабарды в г. Терки, отмечал, что аманат выдал ему «охранную грамоту»: «У нашего друга, бея Кабарды, находившегося в этой крепости в качестве заложника, не было грамот, поэтому вместо грамот беев Кабарды и Черкесии к падишам калмыков Тайша-хану и Мончак-хану, а также к визирам и королю Москвы я взял особого рода знаки – кусочки дерева с насеченными метками <...> Это весьма любопытные бирки: их совершенно нельзя скопировать; у них с одной стороны железная тамга, закаленная на огне, а с другой – такая штука, что по очертанию ничего похожего на нее не существует» [13, с. 131]. Э. Челеби отмечал, что предъявил этот знак по прибытии в Астрахань ее воеводе вместе с посланиями «падишаха Дагестана» и верительной грамотой австрийского императора.

При европейских дворах в Новое время в качестве гарантии-залога договора все чаще стала использоваться собственность: города, провинции [14, с. 362; 15, с. 359], хотя были и редкие факты, когда дипломатические заложники гарантировали договоры. Так, например, английские лорды были переданы Франции в залог выполнения Аахенского договора 1748 г. [14, с. 358].

Наиболее широко дипломатическое заложничество (которое теперь российская дипломатия называла ориентализмом *аманатство*) стало использоваться в Новое время правителями Московского царства, Османской, Сефевидской и Российской империй. Дипломатическое заложничество между самими этими империями было скорее исключением, чем правилом. В качестве такого редкого примера можно обратиться к факту выдачи Петром I в качестве дипломатических заложников в качестве гарантов выполнения заключенного 12 июля 1711 г. Прутского мирного договора турецкому двору государственного подканцлера П. П. Шафирова и генерал-майора М. Б. Шереметева: «И за аманат взяты и в Двор высочайшего царствия посланы Царев советник, верующий в Мессию, честнейший барон канцлер Петр Шафиров, и сын сына Шереметьева, сына Бориса генерала Михаил» [16, с. 36, 37]. Чаще дипломатические заложники встречались в отношениях этих империй с правителями небольших евразийских государств, на которые они хотели распространить свое влияние. Так, российские монархи использовали дипломатическое заложничество как инструмент расширения своего политического влияния в отношении владетелей Сибири,

Поволжья и Русской Америки, черкесских князей / пщы, казикумухских шамхалов, аксайских уцмиев, ногайских мирз, калмыцких тайшей, грузинских царей; османские султаны – христианских правителей Греции, Молдавии, Сербии, Грузии, крымских ханов; иранские шахи – грузинских царей [1, с. 34].

В Новое время на развитие института дипломатического заложничества оказали наибольшее влияние византийские внешнеполитические принципы и практики. К примеру, в Москве и Константинополе дипломатические заложники по законам местничества занимали высокое положение и располагали значительными экономическими возможностями. Особенно на первых порах отношений дипломатические заложники находились соответственно при султанском и царском дворах на первых местах после монархов. По старому византийскому обычаю, их именовали не заложниками, а «воспитанниками». При московском и константинопольском дворах уделялось большое внимание их образованию и материально-финансовому обеспечению их высокого социального статуса [1, с. 258, 259].

Историко-сопоставительный и историко-типологический анализ дает основание для вывода, что институт аманатства был генетически связан с институтом дипломатического заложничества. Об этом свидетельствует прежде всего, что принципы дипломатического заложничества в разных частях света – в Европе, на арабском востоке, на Кавказе, в России, в Османской империи – полностью совпадали с принципами аманатства в связях Московского царства с правителями небольших евразийских стран, расположенными южнее и восточнее Москвы: 1) закладом была не жизнь, а свобода заложника; 2) по исполнению договора он должен был быть освобожден и тотчас возвращен на родину; 3) в случае смерти заложника его правительство не было обязано выдавать другого; 4) если заложник становился владельцем, его следовало освободить и взять другого; 5) если условия договора не были исполнены, заложник делался военнопленным, при этом он мог разорвать связь с государем, который выдал его, и вступить в подданство той державы, которой дан в залог; 6) заложник мог гарантировать только те договоры, которые не нарушали прав третьих сторон; 7) гарантия (заложник) предоставлялась только на срок действия договора, к которому она относилась; 8) вассалы суверенов не могли выступать в качестве заложников; 9) если стороны договора его нарушали, заложник мог бежать [1, с. 40–41; 14, с. 357–364]. Помимо этих принципов Московское царство, Османская и Сефевидская империи привнесли в связи с евразийскими политиями некоторые нормы своих самобытных посольских обычаев. Например, по русскому и турецкому посольским обычаям, в отличие от европейского, жизнеобеспечение аманата в соответствии с его социальным статусом возлагали на себя, соответственно, царь и султан. Согласно черкесскому посольскому обычаю в российско-черкесских отношениях формировалась свита аманата и т. д.

В зависимости от контекста политических событий амбивалентность статуса дипломатического заложника давала простор для изменения его положения: в нем усиливались черты связанные то с эпитетом *дипломатический*, то с существительным *заложник*. Наглядный тому пример дает история пребывания в дипломатическом заложничестве при турецком дворе уже упомянутых подканцлера П. П. Шафирова и генерал-майора М. Б. Шереметева. Нежелание Петра I незамедлительно выполнить условия Прутского договора привело к тому, что, в соответствии с посольским обычаем, П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев автоматически стали военнопленными и содержались «в тюрьме-замке Едикуле, где в камере 6 на 6 аршинов содержались более 200 человек!» [17, с. 228]. Они были освобождены только через три года, после выполнения условий договора.

В начале XVII в., когда слово «аманат» вошло в русский язык, черкесские аманаты имели высокий статус и представляли собой фактически послов своих суверенов. Однако со временем, по мере усиления российских позиций в том или ином регионе в историческом термине усиливались коннотации связанные со словом *заложник* и ослабились коннотации, связанные с эпитетом *дипломатический*. Таким образом, на основе присущей дипломатическому заложничеству амбивалентности возникло несколько разновидностей аманатства.

Если отношения носили посольский, или «внутридипломатический»¹ характер, то он представлял собой дипломатический инструмент; если сюзеренно-вассальный – институт сюзеренно-вассальных отношений; в случае военного противостояния он мог трансформироваться в *инструмент* военной и военно-колониционной политики и использоваться в самом широком понимании лексемы *заложничество*, сохраняя при этом некоторые дипломатические «рудименты» [1, с. 40].

Следует подчеркнуть, что институт аманатства стал важным механизмом поддержания посольских отношений между российскими монархами и правителями евразийских политий XVI – середины XIX в. К примеру, прибытие в Москву дипломатических заложников / аманатов из Черкесии (в России они получили известность как князья Черкасские) способствовало установлению уз свойства и родства между правившей в Черкесии династией Иналидов и династиями Рюриковичей и Романовых, что стало основой не только для военного и политического партнерства сторон на Кавказе, но и для инкорпорации черкесской аристократии в российский правящий класс. В ранний имперский период институт дипломатического заложничества или аманатства стал *инструментом* российской государственной политики в отношении стран, элиты которых не были институализированы в европоцентристском политическом пространстве и на чьи территории скрыто или явно была направлена экспансия.

Список источников

1. Озова Ф. А. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. СПб.: Нестор-История, 2020. 632 с.
2. The Encyclopaedia of Islam. Vol. 1a. Aaron–Ashturka. London: E. J. Brill, 1960. P. 321–1359.
3. Канделаки М. Б. Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 139 с.
4. Анчабадзе Ю. Д. Рецензия на книгу М. Б. Канделаки «Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства». Тбилиси, 1987 // Советская этнография. 1988. № 4. С. 162–164.
5. Адыль-Гирей С. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. 1860. №11. С. 273–324.
6. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (Репринтное издание). СПб.: Диамант, 1996. Т. 1: [А–З]. 699 с.
8. Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. URL: http://Annales.info/rus/zimin/zimpr_10.htm (дата обращения: 02. 07. 2017).
9. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. IV: [Ама–Анто]. СПб.: Тип. И. И. Глазунова и Комп., 1862. 576 с.
10. Заходер Б. Н. История восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). М.: Изд-во МГУ, 1944. 152 с.
11. История дипломатии: В 5 т. / Под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова; 2-е изд., перераб., доп. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. 890 с.
12. Ногма Ш. Б. Филологические труды: В 2 т. / Исслед. и подгот. к печати Г. Ф. Турчанинов. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956. Т. 1. 308 с.
13. Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Пер. А. П. Григорьева. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 287 с.
14. Ваттель Э. де. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Пер. с фр. В. Н. Дурденевского, Ф. А. Кублицкого, Э. М. Фабрикова. М.: Госюриздат, 1960. 719 с.

¹ Дипломатический церемониал императорской России имел несколько уровней. Первый из них, сформированный на основе синтеза самобытного русского посольского церемониала и различных видов западноевропейских церемониалов, использовался в сношениях с европейскими державами. Второй – регулировал отношения с крупными восточными государствами, такими, как Китайская империя и Иран. Третий – уровень «внутренней дипломатии», включавший в себя контакты между Российской империей и попавшими в орбиту ее влияния политическими образованиями [12, с. 273].

15. Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы / Пер. с нем. И. Карташева, М. Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.

16. Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2005. 292 с.

17. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

References

1. Ozova F. A. *Institute of Amanatstvo in Circassian-Russian relations: 1552-1829*. St. Petersburg: Nestor-History, 2020. 632 p. (In Russ.)

2. *The Encyclopaedia of Islam*. Vol. 1a. Aaron–Ashturka. London: E. J. Brill, 1960. P. 321-1359. (In Russ.)

3. Kandelaki M. B. *From the social life of the Highlanders of Georgia – Institute of Amanatstvo*. Tbilisi: Metsniereba; 1987. 139 p. (In Russ.)

4. Anchabadze Yu. D. Review of the book by M. B. Kandelaki "From the social life of the highlanders of Georgia – Institute of Amanatstvo". Tbilisi, 1987. *Soviet ethnography*. 1988;(4);162-164. (In Russ.)

5. Adyl-Girey S. An essay of the mountain peoples of the right wing of the Caucasian line. *Military collection*. 1860;(11):273-324. (In Russ.)

6. *Islam: Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature, 1991. 315 p. (In Russ.)

7. Dal V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*: In 4 volumes (Reprint edition). St. Petersburg: Diamant, 1996. Vol. 1: [A–Z]. 699 p. (In Russ.)

8. Zimin A. A. *Russian Truth*. M., 1999. Available from: http://Annales.info/rus/zimin/zimpr_10.htm [Accessed 02. 07. 2017]. (In Russ.)

9. *Encyclopedic dictionary compiled by Russian scientists and writers*. Vol. IV: [Ama–Anto]. St. Petersburg: Type. I. I. Glazunov and Comp., 1862. 576 p. (In Russ.)

10. Zahoder B. N. *History of the Eastern Middle Ages (Caliphate and the Middle East)*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1944. 152 p. (In Russ.)

11. *History of diplomacy: In 5 volumes* / Edited by V. A. Zorin, V. S. Semenov, S. D. Skazkin, V. M. Khvostov; 2nd ed., reprint, supplement Moscow: Gospolitizdat; 1959. Vol. 1. 890 p. (In Russ.)

12. Nogma Sh. B. *Philological works: In 2 vols.* / Research. and podgot. to the press G. F. Turchaninov. Nalchik: Kabardian Publishing House; 1956. Vol. 1. 308 p. (In Russ.)

13. Celebi E. *Travel book. (Extracts from the writings of a Turkish traveler of the XVII century)* / Transl. A. P. Grigoriev. Issue 2. Lands of the North Caucasus, the Volga region and the Don region. Moscow: Nauka, 1979. 287 p. (In Russ.)

14. Vattel E. de. *The Law of Peoples or the Principles of Natural law applied to the behavior and affairs of nations and Sovereigns* / Translated from the French by V. N. Durdenevsky, F. A. Kublitsky, E. M. Fabrikov. M.: Gosyurizdat, 1960. 719 p. (In Russ.)

15. Scarf K. *Catherine II, Germany and the Germans* / Translated from German by I. Kartasheva, M. Lavrinovich. Moscow: New Literary Review; 2015. 536 p. (In Russ.)

16. Yuzefovich T. P. *Treaties of Russia with the East. Political and trade*. Moscow: State publ. ist. b-ka of Russia, 2005. 292 p. (In Russ.)

17. Anisimov E. V. *State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1997. 331 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ф. А. Озова – доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом истории народов КЧР Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований.

Information about the author

F. A. Ozova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Peoples of the KCR of Karachay-Cherkess Institute humanitarian research.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 30.11.2022.